

Д.В. Мельник

*к.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ЛИБЕРАЛЫ И ГОСУДАРСТВО В ИТАЛИИ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РЕФОРМИЗМ ДЖОВАННИ ДЖОЛИТТИ И ЕГО КРИТИКИ

Аннотация. В статье рассматривается стратегия либерального реформизма в Италии конца XIX в. — первой четверти XX в. и её критика со стороны представителей экономического либерализма («чистых» либералов). Столкновение двух видений либеральной политики отражало всю глубину и сложность процесса трансформации либерализма в условиях резкого расширения государственного вмешательства и массовизации политических процессов.

Особенности процесса трансформации либерализма в Италии указанного периода были обусловлены характером вызовов. Перед страной вставали задачи одновременного выстраивания государственных институтов после объединения страны, ликвидации существенного разрыва в уровнях развития между её севером и югом, проведения индустриализации. Ответом на это стал рост протекционизма и дирижизма. Вызовы ещё более усилились с вступлением Италии в Первую мировую войну и послевоенной социально-политической турбулентностью, которая привела к установлению режима Муссолини. В то же время Италия обладала давней традицией либеральной экономической мысли, а итальянские либералы образовали заметную и весьма влиятельную школу экономической мысли. Государственное вмешательство в экономику не могло не вызывать у них отторжение. Однако непосредственное включение в элиту страны требовало от них модификации постулатов классического экономического либерализма середины XIX в. для разработки политических рекомендаций.

В фокусе данной статьи находится рассмотрение политической программы выдающегося итальянского политика Джованни Джолитти. Она стала одним из направлений трансформации классического либерализма середины XIX в. В следующем за введением втором разделе статьи положение либеральной идеологии в Италии рассматривается в контексте проблем, возникавших в условиях индустриализации отсталой и разделённой экономики. Либеральный реформизм Джолитти стал стратегией прагматического ответа на возникающие вызовы. Основные черты этой стратегии и её критика со стороны «чистых» либералов — тема третьего раздела статьи. В заключении представлены краткие выводы.

Ключевые слова: *история экономической мысли Италии, экономический либерализм, либеральный реформизм, Джованни Джолитти.*

JEL: B13, B31, H11, N43, N44

УДК: 330.83

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_128_141

© Д.В. Мельник, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Мельник Д.В.* Либералы и государство в Италии: либеральный реформизм Джованни Джолитти и его критики // *Вопросы теоретической экономики.* 2024. №4. С. 128–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_128_141.

FOR CITATION: *Melnik D.* Liberals and the State in Italy: Giovanni Giolitti's Liberal Reformism and Its Critics // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2024. No. 4. Pp. 128–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_128_141.

Введение

Либерализм относится к тем явлениям, которые, будучи интуитивно понятны, с трудом поддаются определению. Попытки такого определения в общем случае сводятся, как правило, к указанию на приверженность свободе или свободам. В частных — несут в себе привязку к конкретным контекстам (например, «неолиберализм», чёткое определение которого без обозначения конкретной исторической ситуации или конкретных носителей дать затруднительно). Это отражает историческую изменчивость либерализма как идеологии. Утвердившись в качестве мировоззренческого мейнстрима элит, как минимум с середины XIX в., на рубеже веков он столкнулся с вызовами, обусловленными как быстрыми изменениями социального и экономического ландшафта, так и всевозрастающей конкуренцией со стороны радикальных, социалистических и этатистских идей. Первая мировая война стала мощнейшим ударом по бастионам либерализма, а попытки «вернуться к нормальности» (т.е. в благословенный 1913 г.) после её завершения были окончательно сорваны Великой депрессией. Казалось, что идеалы либерализма обречены на то, чтобы остаться в прошлом. Но в стремительно меняющемся в неблагоприятную для него сторону мире либерализм сохранял важный актив — преданных ему интеллектуалов.

С учётом значимости либерализма в истории экономической науки рассмотрение реакции либералов на вытеснение (или угрозу вытеснения) либерализма с позиций мейнстрима в социальном мировоззрении «прогрессивного человечества» в конце XIX — первой четверти XX вв. представляется значимым для понимания трендов изменения экономической науки. Притом, что обычно её история того периода превращается в несколько строк и имён, помещаемых между двумя революциями: маржиналистской и кейнсианской. Очевидно, вместе с тем, что изучение реакции либералов на материале всей «истории западной экономической мысли» привело бы к чрезмерно общим и размытым результатам — единства в ней на тот период ещё не сложилось. В то же время рассмотрение темы на примере сразу нескольких «национальных школ» неизбежно выходило бы за рамки одной статьи. Поэтому в данной статье рассматривается лишь один пример: трансформация либерализма в Италии. Однако и в этом случае потребовалась более точная фокусировка: на малоизвестную в отечественной литературе (да и в целом за пределами Италии) стратегию либерального реформизма политика Джованни Джолитти и противоположную ей, предполагавшую опору на классические идеалы подхода «чистых» либералов. Воплощение стратегии Джолитти сопровождалось значительными успехами в социальном и экономическом развитии Италии перед Первой мировой войной. А весь отрезок XX в. вплоть до вступления Италии в войну вошёл в итальянскую историографию как «эпоха Джолитти».

Примечательно, однако, что на всём протяжении политической карьеры Джолитти он сам и его действия сталкивались с ожесточённой критикой со стороны школы итальянских либеральных экономистов, обозначаемых в данной статье как «чистые» либералы.

Либерализм в контексте особенностей исторического развития Италии

Острота противоречий между либеральным реформизмом и «чистыми» либералами отражала противостояние между двумя программами реализации одного и того же прогрессистского видения неизбежного распространения плодов просвещения в массах, плодов накопления капитала в хозяйстве и соответствующего расширения пространства свободы и процветания. Программа либерального реформизма, олицетворяемая политикой Джолитти, изначально отошла от классических идеалов невмешательства. Она предполагала необходимость активного воздействия государства на улучшение условий жизни масс

посредством социального законодательства и государственной политики стимулирования промышленного развития. Как таковая она сформировалась не в результате теоретической разработки, а в качестве ответа на вызовы, с которыми столкнулась Италия.

К началу XX в. Италия существовала как единое государство лишь около тридцати лет. Захват в 1870 г. последнего осколка «средневековой вольницы», Папского государства, и перенос столицы Савойской династии в Рим воплотил многовековую мечту итальянских мыслителей об объединении. Но бывшие короли Сардинии явно не дотягивали до образа римских императоров, а установившийся парламентский режим отличался неустойчивостью и беспринципностью правящих коалиций, слабостью правительств, бесконечным торгом в кулуарах власти с опорой на контроль за распределением бюджетных средств и «тёплых местечек».

Установление «железом и кровью» политического единства Италии не разрушило барьеров между регионами и местностями. И если распространение общего образования и современных средств массовой информации в основном решило задачу формирования единого языкового и культурного пространства (но лишь ко второй половине XX в.!), то «проклятый» южный вопрос — различие в структурах экономики и разрыв в уровнях производства и доходов между севером и югом Италии — не решён и по сей день¹. Попытки его решения, начавшиеся вскоре после объединения, явно не вписывались в рецепты *laissez-faire*, ибо требовали роста доли госрасходов и управления системой межбюджетных трансфертов (что теоретически должно было сглаживать региональные различия, но практически часто выражалось в укреплении за счёт центрального бюджета местных клиентел).

Италия, оставаясь в целом отстающей экономикой, к концу XIX в. включилась в процесс индустриализации, сосредоточенный преимущественно на севере, вокруг Турина и Милана. И хотя Италия обычно и не рассматривается в качестве примера «догоняющего развития», это, как и в других случаях подобного типа, вело к росту вовлечения государства в экономику. Росло давление на доходы бюджета, связанное как с необходимостью различных мер поддержки отечественной промышленности, так и с порождаемыми индустриализацией социальными проблемами (с конца XIX в., что обычно датируется энцикликой папы Льва XIII «*Rerum Novarum*» 1891 г. к решению рабочего вопроса, помимо национального правительства, подключилась и католическая церковь).

Однако исходные условия для разрешения старых и новых вопросов посредством государственного вмешательства были неблагоприятными: финансы Сардинского королевства уже были подорваны и обременены долгами в процессе длительной борьбы за объединение Италии, и простой перенос казны в Рим, очевидно, сам по себе разрешить эти проблемы не мог. Равным образом проблема контроля за расходованием бюджетных средств (и управления в целом) не могла быть решена простым «растягиванием» северо-итальянского чиновничества по карте недавно возникшей страны.

¹ Самым успешным примером «вытягивания» из юга стал Рим. Но именно этот пример — исключение, подтверждающее правило. Этот прекрасный город и по сей день остаётся воплощением исторической памяти о величии античного наследия. Но его «вечность» проистекает из тысячелетнего сохранения административных функций. Лишённый особых географических преимуществ, с подступающей к нему заболоченной местностью, которая вплоть до начала XX в. удушала горожан приступами малярии в летнее время, никогда не бывший сколь-нибудь значимым экономическим центром, город выжил потому, что римские епископы на заре средневековья смогли утвердить своё верховенство как «патриархов Запада». Но даже будучи средоточием администрации и высшей иерархии католической церкви, Рим к моменту объединения насчитывал немногим более 200 тыс. жителей, тогда как население, например, Неаполя было больше в 2 раза. Именно исторический символизм, сделавший с 1870 г. Рим местом пребывания неуклонно разрастающейся бюрократии и распределения бюджетных средств, модернизировал город — опять-таки без его превращения в промышленный или финансовый центр. Это же, впрочем, породило и ещё один «проклятый» вопрос новейшей итальянской истории — римский: проблему сосуществования двух суверенных источников власти.

Джолитти чётко осознавал и обосновывал свою программу. На критику со стороны сторонников фритрёдерства он отвечал, в частности, тем, что «экономический либерализм не всегда находится в гармонии с политическим либерализмом» [Сорра, 1970. Р. 211]. Это осознание отражало расширение масштаба и функций государства, начавшееся в действительности ещё до выхода Джолитти на авансцену политики. В последней трети XIX в. доктринальный экономический либерализм — и не только в Италии — всё чаще вытеснялся активным (вынужденным или целенаправленным) воздействием правительства на экономику и общество. Так государства реагировали на масштабирование возникающих проблем на национальном и даже интернациональном уровне. Напротив, для «чистых» либералов ограничение экономических свобод вытекало из отхода от политического либерализма, от правильных принципов управления в целом. Это выступало в их глазах уступкой плутократии или охлократии. Характерна в связи с этим полемика Джолитти и его либеральных противников по проблеме экономического развития юга. Джолитти был последовательным сторонником бюджетных вливаний и государственных программ развития. Парадоксальным, казалось бы, образом в число его противников входили и южане, противостоящие в этом исконному северянину.

Различия в подходах носили доктринальный характер. «Чистые» либералы исходили из классического фритрёдерства, полагавшего частную инициативу и предпринимательство необходимым и достаточным условием экономического развития, а всякий правительственный интервенционизм — неизбежным нарушением экономической свободы. Например, видный представитель либерализма южанин Антонио Де Вити Де Марко в качестве члена парламента от Апулии заявлял, что не поддержит продвигаемый Джолитти пакет специальной помощи для другого южного региона Базиликата, поскольку это создавало бы преференции для одного региона в ущерб всем другим [Сорра, 1970. Р. 202].

В стандартной аргументации сторонников «чистого» либерализма рыночные сигналы искажаются всяким правительственным вмешательством в движение товаров, людей, капиталов и следующим из необходимого для финансирования интервенционистских мер ростом налоговых изъятий. Все эти аргументы широко использовались критиками Джолитти. Но в полемике по «южному вопросу» на первый план выходил ещё один специфический аргумент, проистекающий из «мифа о юге», согласно которому он некогда представлял собой цветущий сад, разрушенный плохим управлением. Само по себе это убеждение не было порождением либеральной доктрины, коренясь, очевидно, во многовековой истории владения югом чужеземцами. Оно могло использоваться (да и продолжает использоваться) как сторонниками объединения Италии, оправдывающими захват севером юга неэффективностью его отсталых управленческих структур и культуры в целом, так и сторонниками партикуляризма, для которых север разрушал и подавлял уникальную и самобытную культуру, чтобы выкачивать ресурсы юга для целей своего развития.

В либеральном прочтении этот «миф» усиливал аргумент о пагубности всякого вмешательства государства: экономическое отставание и все иные беды юга выводились из «плохого управления» (или, как сказали бы сейчас, «плохих институтов»). Соответственно, таргетирование правительством отдельного региона или отрасли рассматривалось как закрепление этого «плохого управления» — в ущерб экономической свободе. «Хороший институт» в либерализме есть всегда то, что следует «выращивать» лишь под благодетельным солнцем свободы. Напротив, Джолитти считал, что в основе всех бед юга изначально была не политика, а экономика — исходный низкий уровень развития во всех отраслях, включая и сельское хозяйство [Сорра, 1970. Р. 200–202].

С начала XIX в. либеральная идеология победно шествовала по всей Европе, распространяясь среди элит как основа мировоззрения. Её носителем стала экономическая наука: политическая экономия в том виде, какой она приобрела после Адама Смита, его последователей и популяризаторов. Но в случае Италии речь не шла исключительно об импорте

идеи. Проникновение модной доктрины «из-за Альп» лишь высветило собственную богатую традицию рассмотрения принципов саморегулирования рыночной системы. Отблеском этой традиции в истории отечественной экономической мысли является диссертация И.В. Вернадского, которая традиционно считается первой работой по истории экономической мысли на русском языке и в которой, несмотря на цензурные ограничения позднениколаевской эпохи, основы либерального учения излагались на материалах трудов итальянских исследователей [Вернадский, 1849].

Вместе с тем, экономический либерализм в том виде, в каком он сложился после Смита, не стал всеобщей идеологией даже среди экономистов. Не подменил он собой и традицию политического либерализма, следующего в русле просвещенческих идеалов и прогрессистского мировоззрения, но не предполагающего полного подчинения общества экономике. Вероятно, именно необходимость борьбы с влиятельными в политическом и интеллектуальном плане соперниками способствовала тому, что экономический либерализм в Италии оформился в особую школу экономической мысли.

У этой школы был ярко выраженный лидер: Франческо Феррара (1810–1900). Его почитание прослеживается даже у тех представителей школы, которые непосредственно у него не обучались. Были у этой школы и свои институциональные «точки сборки». Сначала, в этом качестве выступало «Общество Адама Смита». Оно было основано во Флоренции в 1874 г. и изначально направлено на противоборство с распространением среди итальянских интеллектуалов экономических идей, схожих с идеями немецкой исторической школы [Канделоро, 1975. С. 87–91]. И почти сразу после начала его деятельности, и в противовес ему, будет организована «Ассоциация содействию прогрессу экономических исследований», под эгидой которой в 1875 г. стал публиковаться «Журнал экономистов» (*Il Giornale degli Economisti*). Она объединяла «индустриалистов» — сторонников ускорения промышленного развития Италии посредством активной государственной политики — и сторонников решения социальных вопросов.

Со стороны либералов Феррара «был единственным крупным экономистом флорентийского общества». Но к «Обществу» примкнул и делавший лишь первые шаги в экономической теории и проживавший тогда во Флоренции железнодорожный инженер Вильфредо Парето [Канделоро, 1975. С. 94]. «Хотя это общество было выразителем старых идей, ... оно было центром объединения интересов мощных банковских и аграрных групп, поборников продолжения политики свободной торговли» [Там же. С. 93]. У Феррары хватило энергии и публицистических способностей, чтобы кристаллизовать «старые идеи» фритрэдёрства в полемике с противниками и передать их последователям в качестве актуального элемента политической программы либералов. А его более молодые последователи 15 лет спустя смогут захватить в качестве трофея «Журнал экономистов», превратив его в новый, более мощный институциональный центр притяжения либеральных экономистов и рупор для их идей.

В число экономистов — последователей Феррары входили Маффео Панталеони (1857–1924), Антонио Де Вити Де Марко (1858–1943), Луиджи Эйнауди (1874–1961), Аттилио Кабиати (1872–1950), Густаво Дель Веккьо (1883–1972). Отстоя от них в своей теории, в области защиты и пропаганды экономического либерализма с ними активно сотрудничал Вильфредо Парето (1848–1923). Деятельность представителей школы «чистых» либералов отражала два направления деятельности, ярко выраженных уже у Феррары.

Во-первых, её представители были активными, непреклонными и умелыми «агитаторами и пропагандистами» либеральной идеологии: на университетских кафедрах, в публицистике, на парламентской трибуне. Эта идеология претендовала на роль всеобъемлющего мировоззрения и политической программы и несла на себе явный отпечаток взглядов эпигонов Смита, таких, например, как Фредерик Бастиа — в том виде, в каком они были переданы и применены к итальянским условиям Феррарой. Школа в этом смысле никогда не была сугубо академической, имея чёткую политическую и полемическую

направленность. Она апеллировала не только к Смиту, но и к «золотому веку» либеральной экономической политики. Таковой в случае Италии приходился на годы объединения страны и первый период существования нового государства под руководством политиков из Пьемонта. А безусловным героем и безупречным идеалом политика для школы был граф Кавур². Представители школы почти непрерывно пребывали в состоянии острой полемики. Их оппонентами выступали не только очевидные противники экономического либерализма, но и вполне либеральные по своим взглядам интеллектуалы и политики, которые отклонялись с точки зрения школы от догматов подлинного либерализма. Это ярко проявилось в борьбе против либерального политика Джолитти, которая продолжалась на протяжении всей его длительной карьеры. Именно поэтому представители данной школы обозначаются здесь как «чистые» либералы.

Во-вторых, собственно научные исследования «чистых» либералов формировались вокруг чётко выраженного теоретического ядра: анализа государственных финансов. Теоретическому анализу финансов и связанного с ними процесса принятия бюджетных решений способствовали и конкретные обстоятельства: «Италия, в силу особых обстоятельств её политического развития, вынуждена была перепробовать всевозможные виды извлечения государственных доходов» [Чупров, 1904. С. XXIII]. Исключение в этом отношении составляла близкая «чистым» либералам в области идеологии, но стоящая особняком в области экономической теории фигура Парето³. «Чистые» либералы следовали основным идеям и постулатам маржиналистской революции, хорошо знали труды её основоположников, но не были готовы принять её основной аналитический итог: тенденцию к математизации и формализации экономических исследований. В этом смысле и в первой половине XX в. «чистые» либералы продолжали говорить на языке, более близком к языку экономической науки XIX в. Парадоксальным образом это делало их и более близкими к языку их записных противников — представителей исторической школы, чем к языку неоклассического мейнстрима. Лишь в 1960-е гг. теоретический вклад, сделанный «чистыми» либералами в рамках их анализа финансовых решений, будет замечен и высоко оценён Дж. Бьюкененом [Buchanan, 1960; Buchanan, 1967; Wagner, 2018]. С его лёгкой руки они и войдут в число канонических предшественников современной теории общественного выбора и обратят внимание исследователей из различных стран (см., например: [Славинская, 2019]).

Либеральный реформизм

Имя Джованни Джолитти (1842–1928) практически неизвестно за пределами Италии, но закреплено в названиях улиц многих итальянских городов. Выходец из Пьемонта, подлинного центра Сардинского королевства, он начал карьеру госслужащего в начале 1860-х гг., а спустя два десятилетия переместился с бюрократических должностей на политические. В первый раз в своей карьере он возглавлял правительство в 1892–1893 гг., после чего был оттёрт на обочину политической жизни из-за финансового скандала, подорвавшего его первое премьерство. Движущей силой этого скандала стали как раз «чистые» либералы под предводительством Панталеони. Вернулся он на авансцену поли-

² Например, ярчайший представитель «чистых» либералов Маффео Панталеони «сформировался в своих политических убеждениях ещё в ранней молодости в отцовском доме, следуя чистой кавурианской линии, где встречались те, кто были продолжателями великой либеральной политики Кавура — политики, которая не терпела и не терпит ограничений... в области экономической свободы» [De Viti De Marco, 1925. P. 172].

³ В 1917 г. в письме одному из своих учеников Парето отмежевался «от самой науки о финансах, поскольку её последователи разрабатывали её принципы, в которые веровали, на исключительно экономических основаниях, не заботясь об экспериментальной проверке, которая учит о преобладании страстей, чувств и интересов над теориями и доктринами» [Griziotti, 1949. P. 125].

тики с началом нового века — сначала как влиятельный министр, а затем, с 1903 г., как премьер-министр, занимая эту должность с небольшими перерывами свыше 10 лет (огромный для парламентской системы Италии срок и тогда, и сейчас). Это была эпоха Джолитти.

Выступая противником вовлечения своей страны в Первую мировую войну, Джолитти не входил в составы правительств в её годы. Последний раз он занял кресло премьер-министра в 1920 г. В это время продолжалась начавшаяся в условиях войны резкая радикализация итальянской политики и общества, сопровождавшаяся, в частности, ростом влияния фашистского движения. Сам Джолитти рассматривал это в качестве одного из эксцессов, которые были порождены шоком войны и неизбежно сгладились бы по ходу нормализации обстановки. Именно на эту нормализацию и была направлена политика, которую он пытался проводить обычным для себя путём создания широкой «центристской» (внеидеологической) коалиции парламентского большинства. Однако в новых условиях обстоятельства не давали возможность для свободы внеидеологических манёвров. Взрывной рост левого внепарламентского радикализма (с захватами фабрик и земель) привёл к расколу традиционного союзника Джолитти — Итальянской социалистической партии, из которой в начале 1921 г. выделилась Итальянская коммунистическая партия. Это вытолкнуло Джолитти резко вправо — в сколоченный им для выборов 1921 г. блок вошла и партия Бенито Муссолини. Этот разнородный блок не добился значительного электроального перевеса, и Джолитти вскоре вышел в отставку. Однако набирающий влияние (впрочем, в большей степени вне парламента, чем в его стенах) Муссолини продолжал считать Джолитти одним из главных политических препятствий для своего прихода к власти.

На протяжении всей своей политической карьеры Джолитти вызывал резко полярные реакции. Одних он восхищал как «сильный человек», столь необходимый для слабой парламентской системы. Для других этот же образ служил основанием для обвинений Джолитти в диктаторских устремлениях, махинациях, потворстве коррупции и клиентелизму. С определённой натяжкой отношение современников к Джолитти можно сравнить с более известным нам отношением к другому нарушителю спокойствия итальянской парламентской системы — Сильвио Берлускони.

И друзья, и враги сходились в признании за Джолитти невероятной способности к «трансформизму», способности к очень быстрому изменению позиций для упрочения власти посредством формирования парламентских коалиций. Но парадоксальным образом эта политическая беспринципность сочеталась в его деятельности с последовательной приверженностью определённым принципам — и в их основе лежал либерализм. Этот либерализм, безусловно, отличался от классического либерализма середины XIX в., которому следовали пьемонтские политики (и самый известный из них — граф Кавур) тогда, когда молодой Джолитти лишь делал свои первые шаги на государственной службе, и который являлся, вероятно, самым последовательным практическим воплощением идеалов *laissez-faire*. Его отход от «чистого» либерализма середины XIX в. вызывал неприязнь к опытному государственному деятелю со стороны «чистых» либералов эпохи Джолитти⁴. Сам же он ещё в начале восхождения к высшим политическим должностям, в конце 1880-х гг., указывал, что «в период роста демократии именно экономические вопросы выходят на первый план, поскольку они являются важнейшими для масс» [Corra, 1970. P. 196]. Характерно следующее его высказывание: «Современное государство не может ограничиваться лишь функциями полицейского и солдата» (цит. по [Corra, 1970. P. 199]).

Либеральный реформизм Джолитти — это либерализм политика, понимающего, что для того, чтобы вести за собой общество, ему в свою очередь необходимо следовать обще-

⁴ Джолитти, не называя имён, упоминал в своих мемуарах тех, кто «претендовал на наследие графа Кавура и провозглашал себя его наследниками», тех, кто предполагал, что «граф Кавур остался бы на неизменных позициях политической ситуации пятидесятилетней давности, не сделав бы ни шагу вперёд» [Giollitti, 1922. P. 293].

ству, соответствовать ожиданиям людей, их надеждам и страхам. Представление о политике как искусстве возможного самим Джолитти было сформулировано так: «Когда портной шьёт пиджак для горбатого, он должен выкроить горб также и на пиджаке» [Montanelli, Cervi, 2008. P. 19]. Это означало не просто принятие им того, что обобщённо можно назвать «коррупцией», в качестве политического инструмента. Это означало осознание того, что политик, который хочет пользоваться влиянием в обществе, не может постоянно ставить себя слишком высоко над обществом или подталкивать это общество вперёд слишком быстро. Государство, со всеми его недостатками, очевидно, выступало для Джолитти инструментом влияния на жизнь простых людей, со всеми их недостатками. И если недостатки политической системы проистекают из самой природы борьбы за власть, то недостатки людей в большей степени проистекают из условий их жизни. Задача, таким образом, заключалась в улучшении людей путём постепенного улучшения общих экономических и социальных условий их жизни — без попыток изменить природу борьбы за власть.

В программе Джолитти основной задачей правительства становилось, по сути, экономическое развитие. В применении к конкретной ситуации Италии это означало: рост финансирования юга из центрального бюджета; рост инвестиций в инфраструктуру (прежде всего, в железнодорожное строительство⁵); поощрение отечественных производителей (прежде всего за счёт усиления протекционизма). Соответствующий этим мерам рост госрасходов подразумевал переход к росту налогообложения и государственного долга. В эпоху Джолитти связанные с этим проблемы компенсировались весьма успешными показателями экономической динамики. Однако параллельно успехам в экономическом развитии закономерно обострялись старые и появлялись новые социальные проблемы. Ответом правительства стали первые системные шаги в расширении системы социального страхования, распространении начального образования и т.д. Джолитти, разумеется, не был единственным родоначальником всех этих мер, но он принадлежал к числу наиболее влиятельных из них.

Эпоха Джолитти стала временем успехов в проведении индустриализации экономики и модернизации общества, и это в том числе было результатом и его политики. Однако противники обращали внимание на средства проведения этой политики.

В 1910 г. вышел памфлет Гаэтано Сальвемини, одного из ведущих радикальных публицистов, прочно закрепивший за именем Джолитти ярлык для последующей историографии: «Министр преступного мира». Он был написан в жанре журналистского расследования. В нём на нескольких примерах проведения выборов в южных регионах за предшествующее десятилетие создавалась картина систематических махинаций, шантажа, запугивания, преступлений с целью избрания лишь удобных кандидатов. Сальвемини отмечал, что не Джолитти создал на юге политическую машину, основанную на союзе местных представителей центральной власти, локальных клик выгодоприобретателей от распределения бюджетов, преступников, каморры. Но именно под руководством Джолитти эта политическая машина стала одним из ключевых элементов системы власти страны. Она, по подсчётам Сальвемини, обеспечивала 150 депутатов, «южных проходимцев», готовых голосовать за любую меру, предлагаемую им в обмен на гарантии неприкосновенности и свободу действий на местах. И к ним следовало добавить ещё 100 «искателей наживы», избранных от других регионов. Все вместе они составляли в парламенте то «приданое», которое скопил Джолитти за «восемь лет насилия и презрения моралью» [Salvemini, 1966. P. 139]. Далее к этому, как отмечал Сальвемини, следовало прибавить и 110 депутатов «крайней левой» части (т.е. социалистов), вступивших в «низменный и чудовищный союз, в котором антиклерикализм призван создавать иллюзии для наивных, стяжательству

⁵ Проводя через парламент национализацию железных дорог, которая состоялась в 1905 г., Джолитти отмечал: «Возможно наиболее важной из услуг, которые может предоставлять государство, является предоставление хороших железнодорожных услуг, потому что эти дороги выступают артериями, в которых пульсирует экономическая жизнь страны» (цит. по: [Corra, 1970. P. 209]).

дан полный ход, а невероятные расходы оплачиваются за счёт южной Италии» [Там же]. Сальвемини предсказывал, что опираясь именно на этих союзников, Джолитти со временем (на тот момент он не занимал кресло премьера) вернётся к власти и «оставит в покое политические и экономические организации в округах депутатов от крайней левой, увеличит административные поблажки трудовым кооперативам в округах депутатов от крайней левой, наделит оплачиваемыми из бюджета работами, хотя бы и бесполезными, округа депутатов от крайней левой, распределит должности и субсидии по агитаторам за депутатов от крайней левой, расширит социальное законодательство для промышленных рабочих Севера, сосредоточенных в округах депутатов-социалистов, всегда оставляя с пустым ртом подавляющее большинство крестьян Севера и Юга: пригласит, таким образом, на пышный банкет итальянского политического и административного паразитизма ячейки пролетариата и мелкой буржуазии из политически продвинутых регионов Севера, представленные депутатами крайней левой» [Там же. Р. 139–140].

В таком диагнозе радикального социалиста Сальвемини не было ничего нового и для «чистых» либералов. Так, ещё в 1900 г. Л.Эйнауди указывал на «иго расточительных латифундистов юга» как на фактор установления и удержания высоких ввозных пошлин на зерно, а также и на их союз с промышленниками севера, воплотившийся в устойчивости протекционистского режима и подорвавший сельское хозяйство юга — его «единственную способную к развитию отрасль» [Einaudi 1954a, Pp. 148–150]. С распространением социального законодательства эпохи Джолитти к этому «противоестественному» союзу двух привилегированных классов в описаниях либералов добавились и промышленные рабочие севера как бенефициары этого законодательства (а с ними — и обменивавшие эти выгоды сначала на парламентские, а потом и на министерские места социалисты-реформисты).

Много позднее, в 1941 г., когда эпоха Джолитти уже уйдёт в историю, Эйнауди смягчит свои оценки: «Джолитти был типичным и, более того, крупнейшим представителем того трудолюбивого и честного класса администраторов-практиков, которые управляли различными правительственными учреждениями с 1876 по 1914 гг. — людей, которые с подозрением смотрели на теоретиков и верили, что для “хорошего управления” достаточно полагаться на “практику”» [Einaudi, 1954b. P. 285]. Именно в силу этой узости кругозора у Джолитти была «лишь одна большая идея: допустить классы рабочих и крестьян к делам политического и экономического управления страной. Но, в отличие от Кавура, у него отсутствовало понимание экономического механизма, и потому он не смог выйти за рамки эмпирической концепции предоставления свободы действий социалистам и трудящимся для соответствующего эксперимента» [Там же. Р. 286].

Ориентация политики Джолитти на массы способствовала поднятию их жизненного уровня. Однако массы, как должно быть известно, особенно в Риме, требуют не только хлеба, но и зрелищ. А с развитием средств массовой информации сама политика становилась зрелищем. Не случайно, когда в условиях войны и, особенно, послевоенной фрустрации, политики перестали справляться с ролями так, как того требовал зритель, их начинали вытеснять актёры. Для Италии в связи с этим был особенно показателен рост политической популярности поэта (или, как сказали бы сегодня, «акциониста» Габриэле Д'Аннунцио), артистизм которого был с успехом заимствован и творчески использован профессиональным политиком Муссолини. Но и мудрый, немногословный, сдержанный Джолитти уже загодя чуял, куда дует ветер. Ещё в 1886 г. он обрисовал альтернативу для Италии: империалистическую и демократическую. Первая обозначала перенаправление ресурсов на военные цели и ущемление свободы внутри страны с подчинением индивидов коллективизму. Вторая вела к «демократической политике внутреннего развития» [Corra, 1970. P. 195]. Джолитти выступал убеждённым сторонником второго пути. Но как политик он чувствовал запрос на войну, эффективный ответ на который мог бы упрочить его коалицию и его власть [Montanelli, Cervi, 2008. P. 19].

Именно в одно из премьерств Джолитти Италия, наконец, получила свою «маленькую победоносную войну». В 1911 г. Италия объявила войну Османской империи и начала боевые действия на территории Ливии. В 1912 г. война завершилась обретением колонии, да ещё и некогда принадлежавшей Риму. Многие политики безуспешно пытались следовать максиме: «Не можешь победить — возглавь». Джолитти построил на этом свою карьеру. Успех был не только внешним. Произошла и ситуативная консолидация внутри страны с привычным для Италии перемешиванием политического спектра в рамках консенсуса и вне его. Так, по итогу немногих активных антивоенных выступлений в 1911 г. был зафиксирован арест «двух товарищей», организовавших антивоенную забастовку: тогдашнего члена Социалистической партии и будущего дуче фашистской Италии Муссолини и тогдашнего члена Республиканской партии и будущего лидера Социалистической партии, члена правительства и пожизненного сенатора Итальянской республики Пьетро Ненни [Montanelli, Cervi, 2008. P. 20]. Всего лишь через 10 лет Муссолини будет идти к власти, явно имея одной из своих целей повторение успешного опыта «маленькой победоносной войны» в расширенном масштабе. Но его проект воссоздания Римской империи безнадежно и кроваво пробуксовывал, а сколь-нибудь значительных успехов удавалось достигать лишь при помощи потомков варваров, под ударами которых она некогда рушилась. Надо ли удивляться тому, что на итальянской политической сцене Муссолини задержался, но не прижился.

В условиях приближения политики к массам Джолитти продолжал следовать просвещенческим идеалам, сочетая их с привычным для Италии «маккиавелиевским» реализмом. «Грязные» инструменты кулуарной политики служили целью поднятия экономического и культурного уровня масс. Закономерным венцом его политической карьеры (и началом её конца) стал переход к практически всеобщему избирательному праву для мужчин в 1912 г. (последний шаг, право голосования для женщин, Италия сделает лишь после Второй мировой войны). Массовизация политики привела к дальнейшему росту влияния массовых, «народных» (или, как сказали бы сегодня, «популистских») партий и движений. Среди них наибольшим влиянием пользовались Итальянская социалистическая партия (из которой в 1921 г. выделится Итальянская коммунистическая партия) и Итальянская народная партия (Partito popolare italiano) — движение политического католицизма, на базе которого уже после Второй мировой войны возникнет Христианско-демократическая партия. Их «близость к народу» заключалась не только, а часто и не столько в хлестких лозунгах и ораторском мастерстве лидеров, а в укоренённости первичных организаций на «своей» территории и в идеологической программе, таргетирующей уже не локальные общности, а классы. Политика Италии уходила от модели, в которой плебсу давалась возможность регулярно утверждать на выборные должности патрициев. А это и подорвало основу для излюбленных Джолитти парламентских внеидеологических соглашений⁶.

Первая мировая война окончательно перечеркнула эпоху Джолитти. Но справедливости ради следует отметить, что и с восстановлением парламентской системы после «двадцатилетия» Муссолини результатов, достигнутых Джолитти в коалиционном строительстве, не удавалось добиться ещё многие десятилетия. Если огрубить статистику электоральных результатов конца 1940-х — начала 1990-х гг., чуть более трети голосов набирала политическая преемница «популярного» католицизма начала XX в. — Христианско-демократическая партия, чуть менее трети — опиравшаяся на общенациональную сеть

⁶ Ряд историков, оценивая этот период в ретроспективе, полагают, что крупнейшей ошибкой Джолитти стало то, что он не пошёл на коалицию с единственной крупной парламентской силой, способной составить заслон радикализму: католической народной партией. Напротив, Муссолини, даже подавив парламентаризм и установив диктаторский режим, не забывал о влиянии политического католицизма, пойдя на решение римского вопроса путём заключения конкордата 1929 г. между Италией и Ватиканом.

своих ячеек Коммунистическая партия, а оставшуюся часть — нишевые или региональные партии и движения, располагающиеся по всему пространству политического спектра⁷.

Против привычной политики лавирования Джолитти играла и поляризация общественного мнения. Надо сказать, что для «чистых» либералов оно выступало не абстракцией или фигурой речи. Именно во влиянии на политиков через воздействие на мнение «приличных людей» — посредством будь то публицистики в ведущих газетах, будь то бесед в салонах элиты — явно заключалась основная культурная миссия «чистых» либералов, реализуемая ими с 1890-х гг.

Характерно в этом смысле сопоставление отношения к захвату фабрик двух либералов: прагматичного Джолитти и «чистого» Эйнаути. Первый изначально был противником вступления в войну, осознавая, что она мало что даст Италии, но ввергнет общество в пертурбации, которые отбросят нацию назад на её пути к просвещению и прогрессу. Эйнаути поддерживал вступление в войну на стороне либерального англо-американского альянса в надежде, что этот союз не только укрепит позиции сторонников свободы торговли в Италии, но и подавит угрозу со стороны национализмов в Европе (и в их очаге — Германии), тем самым став проводником прогресса.

Социальные волнения продолжали усиливаться и после войны. Началось «красное двухлетие» с ростом влияния левых радикалов, вдохновлённых опытом русской революции. Ширились попытки захватов рабочими фабрик, крестьянами — земель. Вновь занявший пост премьера Джолитти явно усматривал со свойственным ему и вызывающим отвращение у «чистых» либералов цинизмом за захватами фабрик не столько следование рабочих масс коллективным мифам, сколько преследование владельцами фабрик собственных интересов: бытовали слухи о том, что за установлением рабочего контроля в ряде случаев стояли договорённости фабрикантов с вожаками рабочих, по итогам которых рабочие получали рост заработной платы, а фабриканты — различные преференции и меры поддержки от правительства. Характер исторического анекдота приобрёл случай с владельцем ФИАТ Аньелли, который принёс премьеру Джолитти тревожную весть о захвате рабочими своей туринской фабрики и получил в ответ саркастичное: «Хорошо же, я отдам приказ артиллерии разгромить её»⁸. Случайно или нет, но тот протест угас, а Эйнаути ещё более двадцати лет спустя продолжал вспоминать Джолитти, который «скептически желал рабочим обломать рога экспериментами по захвату фабрик, что и сегодня продолжает находить почитателей, забывающих о том, что долг любого правительства состоит в том, чтобы

⁷ Общий опыт репрессий фашистского режима и партизанской борьбы создал основу для тактических компромиссов на этапе воссоздания парламентской системы. Сохранялись и личные связи политиков по разные стороны идеологических барьеров. Но в целом парламентская борьба воспроизводила фронт «холодной войны». Лишь во второй половине 1970-х гг. «левая» часть христианских демократов во главе с неоднократно премьером Альдо Моро стала прощупывать почву для достижения «исторического компромисса» с прочно вставшей на путь еврокоммунизма и тред-юнионизации (и сохранявший с КПСС лишь церемониальные и, разумеется, финансовые связи) компартией во главе с Энрико Берлингуэром. Но в 1978 г., практически за несколько часов до намечаемой финализации этого соглашения, кортеж Моро был обстрелян в Риме, а сам он похищен ультралевыми боевиками. После занявших многие недели попыток переговоров и поисков (до сих пор остающихся тёмным пятном итальянской политики — достаточно сказать, что известный у нас Романо Проди до сих пор отказывается отвечать на регулярные вопросы об источнике сведений о возможном нахождении Моро, которые он передал далее полиции под видом полученных на спиритическом сеансе) террористы застрелили несчастного Моро, а его тело было оставлено в багажнике машины на полпути между штаб-квартирами христианских демократов и коммунистов в центре Рима. Фактически же намечаемая тогда коалиция сложилась лишь на рубеже XX–XXI вв., уже после распада обеих партий. И значительных электоральных успехов она добилась как раз под руководством Проди.

⁸ Со схожей реакцией со стороны другого искушённого политика, нередко упрекаемого в цинизме, столкнулась в 1947 г. группа вооружённых итальянских коммунистов, захвативших в Милане, впрочем, не фабрику, а префектуру. В ответ они услышали от Пальмиро Тольятти: «Молодцы. И что вы теперь собираетесь с ней делать?» [(Montanelli, Cervi, 2008. P. 332)]. В период «красного двухлетия», однако, сам Тольятти относился к захватам фабрик с несравненно большим энтузиазмом, видя в них предвестие грядущей революции.

исполнять законы, каким бы они ни были» [Einaudi, 1954c. P. 78]. Сам же Джолитти в мемуарах продолжал защищать выбранный им курс тем, что немедленные попытки подавления распылили бы доступные правительству силы правопорядка, усилили бы ориентирующуюся на русский революционный опыт часть социалистов в противовес социал-реформистам и создали бы условия для широкомасштабного разрастания беспорядков [Giolitti, 1922. Pp. 596–600]. Джолитти ссылался как на свой собственный опыт столкновения с волнениями рабочих, когда он был во главе правительства, так и на опыт русской революции, на «беда, которые принесла эта революция не только побеждённым, но и тем, кто казался победителями» [Там же. P. 598]. Исходя из этого, он «с самого первого момента» был уверен в том, что этот эксперимент закончится для рабочих (а на пике в сентябре 1920 г. в движение было вовлечено, по его оценкам, порядка 600 тыс. чел.) ничем с учётом «отсутствия у них капиталов, навыков технической и коммерческой организации, средств для закупки сырья и для сбыта даже тех продуктов, которые они смогли бы произвести» [Там же]. Поэтому тактикой его правительства стало «предоставление возможности этому эксперименту продолжаться до определённого времени, пока рабочие не станут убеждаться в недостижимости их целей, а [коммунистические] вожаки не утратят возможность переложить на других ответственность за поражение» [Там же].

Но мог ли опытный политик понять проповедника прогресса? Для одного искусство политики заключалось в том, чтобы вести корабль, лавируя между рифами в бурю. Для другого — в том, чтобы вести его прямым курсом к берегам либеральной утопии, нужно лишь взять этот курс, чтобы выйти в открытое море «простых и естественных истин» экономики. Не было тех штормов, которые корабль не мог бы преодолеть, взяв на вооружение терпение, трудолюбие и бережливость. Не было такой мглы, сквозь которую не пробился бы свет предприимчивости и стремления к выгоде. «Рифы» и «бури» могли возникать лишь на борту — в мыслях и действиях команды и пассажиров. А в условиях зримого восстания масс любая сдержанность в реакции на социальные эксцессы становилась в глазах «чистых» либералов потворством массе. В ответ на подлинную или мнимую угрозу слева они уводили общественное мнение резко вправо.

Заключение

Зарождение школы экономического либерализма — «чистых» либералов в Италии восходит к 1870-м гг. Оно было связано со стремлением утвердить либеральную идеологию в качестве основы для проведения политики в условиях противоборства со сторонниками роста государственного вмешательства. Однако окончательное становление этой школы экономической мысли Италии произошло лишь в 1890-е гг. в ходе противоборства со стратегией либерального реформизма. Длившаяся три десятилетия битва велась между представителями одной и той же традиции, восходящей к просвещенческому прогрессизму и закреплённой памятью о «золотой» эпохе Кавура. Но перед лицом расширения роли государства в экономике и массовизации политических процессов рубежа веков она раскололась. Либеральный реформизм, который в данной статье рассматривался на примере деятельности Джолитти, предполагал опору на государство и методы парламентской политики для формирования широкого консенсуса и постепенного поднятия экономического и культурного уровня масс для того, чтобы избежать их стихийного восстания. Для «чистых» либералов, исходя из их теоретических оснований, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи, подобный «практико-ориентированный» либерализм означал систематическое и всё усиливающееся отклонение экономического механизма от оптимальности с точки зрения как накопления капитала, так и максимизации общественного благосостояния. Вместе с тем осознание и причин устойчивости политической системы эпохи Джолитти, и чётко проявившихся в военные и первые послевоенные годы новых тенденций в обществе вынуждал «чистых» либералов переосмысливать изначальные положения своей доктрины.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Вернадский И.В. (1849). *Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века* [Vernadskiy I.V. (1849). A Critical Historical Study of Italian Political and Economic Literature before the Beginning of the 19th Century]. — М.: Университетская типография.
- Канделоро Дж. (1975). *История современной Италии*. В 8-ми тт. Т. 6: Развитие капитализма и рабочего движения (1871–1896) [Candeloro J. (1975). The History of Modern Italy. In 8. Vols. Vol. 6: The Development of Capitalism and the Labor Movement]. — М.: Прогресс.
- Славинская О.А. (2019). Итальянская ветвь теории государственных финансов [Slavinskaya O.A. (2019). The Italian branch of the theory of public finance] // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 6. С. 162–178.
- Чупров А. И. (1904). Вступительная статья [Chuprov A. I. (1904). Introductory Article] // *Нумми Ф. Основные начала финансовой науки* — М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Buchanan J.M. (1960). «La scienza delle finanze»: The Italian tradition in fiscal policy // *Fiscal theory and political economy* / J.M. Buchanan. — Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press. Pp. 24–74.
- Buchanan J.M. (1967). *Public Finance in Democratic Process: Fiscal Institutions and Individual Choice*. — Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.
- Coppa F.J. (1970). Economic and Ethical Liberalism in Conflict: The Extraordinary Liberalism of Giovanni Giolitti // *The Journal of Modern History*. Vol. 42. No. 2. Pp. 191–215.
- De Viti De Marco A. (1925). Maffeo Pantaleoni // *Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica*. Serie quarta. Vol. 66. (Anno 40). No. 4. Pp. 165–177.
- Einaudi L. (1954a). La parola di un settentrionale // Einaudi L. (1954). *Il buongoverno: saggi di economia e politica (1893–1954)*. — Bari: Laterza. Pp. 147–151.
- Einaudi L. (1954b). Liberismo e comunismo // Einaudi L. (1954). *Il buongoverno: saggi di economia e politica (1893–1954)*. — Bari: Laterza. Pp. 264–287.
- Einaudi L. ([1944] 1954c). La via breve // Einaudi L. (1954). *Il buongoverno: saggi di economia e politica (1893–1954)*. — Bari: Laterza. Pp. 75–85.
- Giolitti G. (1922). *Memorie della mia vita*. Vol. II. — Milano: Treves.
- Griziotti B. (1949). Alla scuola di Vilfredo Pareto e Maffeo Pantaleoni // *Giornale degli Economisti e Annali di Economia*. Nuova Serie. Anno 8. No. 1/2. Pp. 122–128.
- Montanelli I., Cervi M. (2008). *L'Italia del Novecento*. — Milano: Biblioteca Universale Rizzoli.
- Salvemini G. (1966). Il ministro della mala vita // *Salvemini G. Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana*. — Milano: Feltrinelli.
- Wagner R.E. (2018). Buchanan, James M. The New Palgrave Dictionary of Economics. URL: https://doi.org/10.1057/978-1-349-95189-5_2291 (access date: 11.09.2024).

Мельник Денис Валерьевич

dmelnik@hse.ru

Denis Melnik

Associate Professor, Deputy Head of the Center for the History and Methodology of Economic Science, HSE

University (Moscow)

dmelnik@hse.ru

LIBERALS AND THE STATE IN ITALY: GIOVANNI GIOLITTI'S LIBERAL REFORMISM AND ITS CRITICS

Abstract. The article examines the strategy of liberal reformism in Italy in the late 19th — early 20th centuries and its critique by representatives of economic liberalism (“pure” liberals). The clash of two visions of liberal policy reflected the complication of the transformation of liberalism in response to expansion of state interference and the emergence of the mass politics.

The peculiarities of the transformation of liberalism in Italy during the period were caused by the nature of the challenges. The country faced the tasks of state-building after the unification, bridging the development gap between the north and the south, carrying out industrialization. Protectionist and dirigiste policies were the responses to this. The challenges were further intensified with Italy's entry into the First World War and the post-war social and political turmoil that led to the establishment of the Mussolini regime. At the same time, Italy had a lasting tradition of liberal economic thought, and Italian liberals comprised a prominent and influential school of economic thought. State interference could not but cause their repudiation. However, their close involvement into the country's elite made them to modify the postulates of classical economic liberalism of the mid-19th century to be able to deliver feasible policy proposals.

This article focuses on the political program of the outstanding Italian politician Giovanni Giolitti. It became one of the routes of transforming classical liberalism of the mid-19th century.

Following the introduction, the second section of the article examines the position of liberal ideology in Italy in the context of the problems that arose in the context of industrialization of a backward and divided economy. Giolitti's liberal reformism became a strategy for a pragmatic response to emerging challenges. The main features of this strategy and its criticism by 'pure' liberals are examined in the third section of the article. Brief conclusions are presented in the conclusion.

Keywords: *history of Italian economic thought, economic liberalism, liberal reformism, Giovanni Giolitti.*

JEL: B13, B31, H11, N43, N44.